

А. А. Колосов

**Русское православное
духовенство в нашей
светской литературе
1896-1897 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. А. Колосов**
Русское православное духовенство в нашей светской литературе 1896-1897 гг. /
А. А. Колосов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 68 с.

ISBN 978-5-458-56386-4

ISBN 978-5-458-56386-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Глаза старца были свѣтлые, почти голубые, но когда онъ пристально смотрѣлъ на кого-нибудь, они темнѣли, и въ глубинѣ широкихъ зрачковъ, казалось, вспыхивали и угасали фосфорическіе огоньки. Въ общемъ въ его взглядѣ было много странной и мягкой силы, если можно такъ выразиться. Взглядъ его былъ добръ, нѣженъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ чувствовалась сила души и воли, сознание этой покоряющей силы, какая то желѣзная непреклонность, что-то твердое, властное, могучее. Но вотъ огоньки потухали, и снова неземная кротость, любовь, состраданіе и нѣжность свѣтились въ его хорошихъ, почти волшебныхъ глазахъ».

Хотя о. Паисій называетъ себя человѣкомъ неученымъ, но убѣждая невѣрующаго профессора и доказывая ему, что наука въ сущности вся основывается на вѣрѣ, онъ обнаруживаетъ довольно хорошее знакомство съ наукою и съ научными положеніями и терминами.

Кончивъ говорить, о. Паисій начинаетъ молиться. Профессоръ, опустившись на колѣни, «чувствовалъ, какъ какой-то токъ, какая-то сила исходила изъ рукъ монаха (лежавшихъ на его головѣ) и проникала черезъ наружные покровы въ его мозгъ, въ его кровь, въ его сердце... Онъ слышалъ, понималъ и ощущалъ, что о. Паисій молится отъ всей своей души, ото всего своего сердца, страстно, горячо, искренно, съ сильной и могучей вѣрой, которая дѣйствительно способна двигать горами и творить чудеса».

О. Паисій не убѣждаетъ профессора окончательно, но предсказываетъ ему, что Господь обратитъ его, и разстанется съ нимъ съ необыкновенною нѣжностью, обѣщая молиться за него ежедневно.

«Много ученыхъ бывало у меня. И всѣ болѣны одною болѣзнью», говоритъ о. Паисій профессору. И ко всѣмъ нимъ онъ относился, конечно, съ такою же теплотою и лаской.

Теперь мы снова должны вернуться къ г. Немировичу-Данченко. Въ двухъ своихъ романахъ: «На пути къ счастью» и «Подъ ввонъ колоколовъ» онъ даетъ намъ полную кар-

тину одного мужскаго и двухъ женскихъ монастырей—со всѣмъ ихъ бытомъ и строемъ, начиная съ игуменовъ и игуменій и кончая послушниками и бѣлицами.

Мужской монастырь изображается въ романѣ «На пути къ счастью» (*Нива* 1897 г.). Настоятель монастыря отецъ Варлаамъ, раньше блестящій флигель-адъютантъ, ушедшій въ монастырь послѣ тяжелой жизненной драмы, напоминаетъ собою о. Дамаскина. Строгій и властный монахъ и начальникъ, онъ скоро привелъ въ порядокъ монастырь, распущенный его предшественниками, смирилъ или разогналъ не желавшихъ покориться монаховъ и сумѣлъ найти другихъ; расширилъ монастырское хозяйство, осушилъ кругомъ монастыря болота, не обращая вниманія на препятствія, и завелъ въ монастырь образцовый порядокъ и дисциплину, хотя поклоновъ и угодничества терпѣть не могъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ его настоятельства монастыря нельзя было узнать. Теперь это было строгое и безупречное учрежденіе, куда шли всѣ, кто не боялся подвига, жаждалъ спасенія, а не покоя и бездѣлья». «Онъ мало занимался собою—не до того было. Обитель захватывала его совсѣмъ. Повтому и волосы его ложились назадъ серебряными космами, высоко открывая матовую бѣлизпу хорошо скроеннаго и умнаго лба съ прямою линіей бровей, обнаруживавшихъ горячій и сильный темпераментъ... Отецъ Варлаамъ все дѣлалъ быстро—и ходилъ и говорилъ. Ему точно всегда и вездѣ было некогда. Онъ не объяснялъ, а приказывалъ, почему—до этого никому изъ подначальныхъ людей дѣла не было. «Я за нихъ въ отвѣтъ»—оправдывался онъ... Тонъ его голоса былъ твердъ и не допускалъ вопросовъ... Медленность онъ ненавидѣлъ вездѣ и во всѣхъ. Случалось, идетъ по двору и замѣчаетъ, что послушникъ слишкомъ тихо сгребаетъ сѣно. О. Варлаамъ самъ отнималъ у него лопату и опускалъ ее только покончивъ дѣло... На лѣсныхъ работахъ, въ монастырскомъ хозяйствѣ, на рыбной ловлѣ—онъ не ограничивался одними приказами. «Что вы, святые отцы, точно мертвые, прости Господи»—и немедля бралъ у сосѣда топоръ, пилу или

снасть—гдѣ и что приходилось, и давалъ тонъ работѣ, непремѣнно ускоряя ее, насколько это возможно. «Тянучекъ» онъ терпѣть не могъ. «Говори скорѣе, ради Христа, не томи ты меня. Въ могилѣ напишешься, будетъ время отдохнуть, не бойся». Выслушавъ васъ и понявъ въ чемъ дѣло, онъ не давалъ вамъ окончить, а отвѣчалъ и распоряжался медленно, «кипитъ, кипитъ нашъ о. игуменъ, шутили на его счетъ монахи—любой котелъ бы лопнулъ, а онъ все дѣйствуетъ, дай Богъ ему здоровья».

Обстановка отца игумена была самая простая. Только письменный столъ и шкафы въ его кабинетѣ были завалены книгами. Но этотъ строгій и суровый на видъ монахъ имѣлъ доброе и сострадательное сердце и никакъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ чужому горю.

Кромѣ настоятеля, авторомъ выведены еще три іеромонаха: Антонинъ, Гермогенъ и Геронтій.

«Скорбный монахъ», какъ звали въ монастырѣ о. Антонина, былъ прежде свѣтскимъ человѣкомъ, съ университетскимъ образованіемъ. Въ монастырь привела его тоже жизненная драма, но только гораздо болѣе страшная, нежели у о. Варлаама. Лишившись нѣжно любимой жены, онъ едва не сошелъ съ ума отъ горя. Въ это время ему суждено было узнать, что жена не была ему вѣрна. Окончательно обезумѣвшій отъ тоски и ревности, выдержавшій нервную горячку, несчастный заставилъ своего счастливаго соперника, бывшего притомъ его другомъ, принять американскую дуэль. Жребій лишить себя жизни выпалъ его другу. Тотъ убилъ себя, оставивъ послѣ себя жену съ новорожденнымъ ребенкомъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Тогда только опомнился несчастный и понялъ, что онъ сдѣлалъ. Онъ отослалъ всѣ свои деньги несчастной вдовѣ, а самъ ушелъ въ монастырь—и жилъ здѣсь уже десять лѣтъ. Но лютаѣ скорбѣ, въ которой смѣшивались и тоска по утраченномъ и ужасъ по содѣянномъ имъ, не оставляла его и здѣсь, какъ ни пламенно онъ молился; напротивъ, ему казалось даже, что сердце его съ каждымъ днемъ болитъ все сильнѣе и силь-

нѣе. Грѣхъ его давно уже былъ отпущенъ его духовникомъ, но самъ себѣ простить его онъ не могъ. Тоска доводила его даже до припадковъ. «Внѣшняя жизнь совсѣмъ не хватывала Антонина. Едва ли онъ даже давалъ себѣ отчетъ во всемъ, совершавшемся около. Видѣть ее онъ видѣлъ, но не думалъ о ней и проходилъ мимо; такъ она и не оставалась въ его памяти вовсе. Онъ строго исполнялъ все, что полагалось, но лучше чувствовалъ себя дома въ кельѣ, одинъ, лицомъ къ лицу съ своими воспоминаніями, съ своей тоской.. Кромѣ нея, для него въ жизни не осталось ничего. Игуменъ жалѣлъ скорбнаго инока и его лишь одного не посылалъ на тяжелыя работы, назначивъ ему занятіе въ монастырской библіотекѣ и канцеляріи. «Крутой характеръ непреклоннаго строителя и созидателя, одинъ изъ тѣхъ, которые и на пустомъ мѣстѣ ухитряются поднять нѣчто способное потомъ выдержать цѣлыя столѣтія—невольнo смягчался, даже болѣе, умилялся, встрѣчая такую полную затаенной тоски душу, какая была у Антонина»...

О. Гермогенъ, (типъ, напоминающій собою Урса изъ «*Quo Vadis?*» Сенкевича), напротивъ, былъ изъ простыхъ. Онъ былъ фельдфебелемъ въ образцовомъ полку при Николаѣ I и теперь еще любилъ вспоминать, какъ его тамъ муштровали, или, увлекаясь, показывалъ, какъ въ его время маршировали. Ставилъ на кlobукъъ, точно на киверъ, стаканъ съ водой и отбивалъ «правой—лѣвой», да такъ, что отъ одного угла двора до другаго не расплескивалъ ни капли. За его громадную, нескладную фигуру и по-истинѣ медвѣжью силу монахи звали его медвѣдемъ. «Ты какъ полагаешь—разсказывалъ онъ про себя—меня самъ императоръ Николай на правомъ флангѣ замѣчалъ. Бывало, какъ увидить, сейчасъ же: «а, это ты, дылда?» Про свою силу онъ говорилъ: «Меня Богъ силой обидѣлъ. Твнуться боюсь, какъ бы ненарокомъ не сломать чего, потому по моему то я легко, а отъ моей легкости у другаго скуду вонъ выпретъ». «О. Гермогенъ и фигурой напоминалъ медвѣдя. Онъ былъ весь какой-то сѣрый. Несмотря на годы, настоящей сѣ-

дины у него не показывалось, а косматую бороду и густыя патлы волосъ сильно тронула просѣдь. Голубые глаза у него тоже выпвѣли, хотя также довѣрчиво и кротко смотрѣли на Божій міръ изъ-подъ сѣрыхъ, грозно нависшихъ бровей». Въ монастырь пошелъ онъ послѣ нечаянно совершеннаго имъ убійства: «молодаго рекрута—разсказывалъ объ этомъ самъ Гермогенъ—убилъ ненарокомъ. Офицеръ кричитъ: «Харитоновъ, дай ему въ шею». Развѣ я могъ ослушаться? Толкнулъ со всей деликатностью, а у того становая кость пополамъ. Ну, судъ оправдалъ, а только я ни-когда забыть не могъ». И со дня своего рукоположенія въ іеромонахи о. Гермогенъ каждое утро и вечеръ самъ служилъ паннихиду по убитомъ имъ рекрутѣ. И такъ больно отдалось въ душѣ этого громаднаго, но кроткаго какъ дитя, человѣка это дѣло, что доселѣ, служа паннихиду, онъ при словахъ: «и сотвори ему вѣчную память» чуть не навзрыдъ плакалъ. «Вѣдь я человѣка, человѣка убилъ, Господи!» съ сѣ ужасомъ думалъ Гермогенъ. Въ монастырѣ Гермогенъ доселѣ исполнялъ нерѣдко такія работы, что любому коню впору, и былъ преданъ игумену беззабѣтно.

«О. Геронтій, казначей, изъ разорившейся купеческой семьи—былъ настоящій картинный монахъ... Высокій, красавецъ—онъ издали, въ толпѣ монаховъ, кидался въ глаза необычайнымъ благообразіемъ... Геронтію было около пятидесяти лѣтъ, но ему нельзя было дать и сорока. Въ густой массѣ бѣлокурыхъ волосъ—ни единого сѣдого, на гладкомъ и правильномъ лицѣ—ни морщинки. Сѣрые глаза немного на выкатѣ; мягкіе, сами по себѣ волнистые, усы и борода, красиво и ровно палавшая на высокую грудь, дѣлали его необыкновенно живописнымъ въ богатыхъ ризахъ, когда ему приходилось служить соборнѣ». Геронтій любилъ поѣсть и одѣться хорошо, прыскался духами, любилъ сниматься и принимать картинныя позы, но дальше этого его прегрѣшенія не шли. Геронтій былъ очень уменъ и честолюбивъ. Но особенно умѣлъ онъ добывать деньги для монастыря. Съ этой стороны его цѣнилъ и по своему дорожилъ о. Варла-

амъ, хотя вообще и недолгоблывалъ. Когда монастырю бывали необходимы деньги, Геронтій всегда умѣлъ добывать ихъ. Очень ужъ умѣлъ онъ убѣждать купцовъ и старухъ-помѣщицъ, оправдываясь тѣмъ, что онъ пріобрѣтаетъ не для себя, а для обители. «У меня то вѣдь, кромѣ одежи, ничего нѣтъ. Умри я сегодня, у меня ни синь пороха не останется». Тѣмъ не менѣе за излишнее усердіе ему нерѣдко приходилось получать нагоняи отъ отца игумена.

«Большой мастеръ о. Геронтій былъ по части завѣщаній... Дай ему настоятель волю—никто бы въ округѣ не умеръ, не оставивъ своего достоянія монастырю». Но тутъ отецъ настоятель останавливалъ его усердіе ужъ безъ всякихъ церемоній, и праведные труды о. Геронтія пропадали даромъ.

«Короче, заключаетъ авторъ, это былъ настоящій свѣтскій монахъ, и въ католической странѣ ему бы цѣны не знали».

Есть въ монастырѣ еще о. Спиридонъ. Этотъ—изъ академіи. «Всѣ, какія есть науки насквозь произошелъ—отзывается о немъ о. Гермогенъ—какая звѣзда какъ называется, и почему сіе важно—онъ не подумавши скажетъ».

Мужскому монастырю посвященъ разсказъ г. Искула «На покаяніе (*Московскія Вѣдомости*, 1896 г. №№ 102—105). Блестящій и образованный гвардейскій офицеръ Канищевъ, ни съ того ни съ сего, выражаясь просто, задумалъ. Начавъ съ разныхъ вольностей и шалостей, онъ, подъ конецъ, надѣлалъ такихъ дѣлъ, что по личному распоряженію государя (Николая Павловича) былъ сосланъ на исправленіе въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Посмѣиваясь надъ своею ссылкой, ѣдетъ молодой офицеръ въ монастырь, съ намѣреніемъ донять и монаховъ своими продѣлками. Но въ монастырѣ, къ его удивленію, его оставляютъ жить на полной свободѣ, не принуждаютъ къ хожденію въ церковь, всячески заботятся о его удобствахъ, о его ссылкѣ какъ будто даже и не знаютъ, а на выходы и продѣлки его или не обращаютъ вниманія, или даютъ ему понять неприличіе ихъ съ такимъ тактомъ, что ему, несмотря на его

ненормальное состояніе, становится совѣстно. Въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ монастырской обстановки, бесѣдъ игумена и отчасти юродиваго Миронича, молодой офицеръ приходитъ въ себя и искренно кается. Но свѣтскій міръ ему теперь кажется уже настолько чуждымъ, а монастырская жизнь, напротивъ, настолько привлекательною, что онъ самъ принимаетъ монашество въ томъ же монастырѣ.

Личность игумена—вполнѣ идеальная. Это образецъ духовнаго отца и администратора. «Вся особа игумена производила самое выгодное, хорошее впечатлѣніе: простыя, спокойныя манеры, благообразная наружность, въ которой какъ-то одновременно совмѣщалось выраженіе и ума и достоинства и доброты, задушевный голосъ, серебристая сѣдина пышныхъ волосъ и небольшой бороды, обрамлявшихъ изжелта-блѣдное лицо—все дѣлало этого старика симпатичнымъ и съ перваго же взгляда обнаруживало въ немъ челоуѣка искренняго сердечнаго и разумнаго». Въ бесѣдахъ и обращеніи съ ссыльнымъ и непокорнымъ, а нерѣдко и прямо дерзкимъ офицеромъ, игумень обнаруживаетъ столько такта, кротости и ума, что мало по малу совершенно смиряетъ его строптивое сердце. Самый монастырь, видимо обязанный своимъ благоустроеннымъ видомъ о. игумену, своею роскошною растительностью, своею доведенною до роскоши чистотою и порядкомъ, производитъ впечатлѣніе настоящаго цвѣтущаго оазиса среди безконечной песчаной пустыни. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается отъ тишины, благочинія и благочестія, царившихъ внутри монастыря. Весьма симпатиченъ типъ и монастырскаго юродиваго Миронича—одного изъ тѣхъ «блаженныхъ», которые не только называются такими, но и есть таковы на самомъ дѣлѣ. Къ этому юродивому относится съ уваженіемъ игумень, а его странныя и порою, повидимому, даже бессмысленныя поступки оказываются нерѣдко имѣющими глубокой смыслъ.

Совершенно особый типъ—іеромонахъ Антоній, исполняющій обязанности священника въ одной изъ дальнихъ крѣпостей, выведенный въ романѣ г. Крыжановскаго «На

берегу Чернаго моря» (*Русское Обозрѣніе* 1897 г.). Потомокъ французскихъ протестантовъ, бывшій флотскій офицеръ, онъ точно такъ же принялъ монашество послѣ постигшей его житейской драмы. Прежде храбрый офицеръ, человекъ замѣчательно умный и настойчивый, неподкупно честный и прямой, онъ не задумывается смѣло обличать развратъ, не обращая вниманія на личности. Но съ нимъ самимъ случается несчастье: онъ чувствуетъ въ себѣ влеченіе къ молодой дѣвушкѣ, своей ученицѣ. Нечеловѣческія усилія, какія употребляетъ онъ, чтобы побороть это влеченіе, и безпощадное отношеніе его къ самому себѣ—невольнo трогаютъ читателя.

Въ томъ же романѣ «На пути къ счастью» г. Немировичъ-Данченко выводитъ и женскій монастырь, съ его игуменьей—матерью Клеопатрою и нѣсколькими монахинями.

«Мать Клеопатра была изъ рѣдкаго между православными женщинами типа «устроительницъ». У строгихъ раскольницъ встрѣчаются такія державницы, неуклонныя и даже безжалостныя по своему ради цѣли, въ святость и благо которой онѣ разъ навсегда увѣровали. Несмотря на шестьдесятъ пять лѣтъ, игуменья не знала еще отдыха. Ее одолевали монашескія болѣзни... съ мѣста трудно вставалось, но она все это побѣждала желѣзною волею и такою разностороннею дѣятельностью, что при ней въ обители никого другаго не нужно было... Не даромъ Геронтіій говорилъ про нее: «будь она мужчиною—римскимъ папою сдѣлалась бы». Она и въ маленькомъ масштабѣ своемъ была извѣстна далеко. Уже третью обитель она приводила въ порядокъ, да такъ, что ее смѣло снимали съ мѣста и посылали на другое, зная, что дѣло и послѣ нея прочно будетъ, не развалится. Она смотрѣла далеко впередъ—«распорухъ», «роспусъ» и лѣнливыхъ такъ сбивала на свой образецъ, что онѣ долго потомъ оставались вѣрны ея указаніямъ. По мелочамъ она не расходовалась, сразу взглядомъ опредѣляла корень зла и уже не колебалась вырвать его. На это у нея не было

ни состраданія, ни страха іудейска. Ей все равно, чьи интересы задѣвались ея строительствомъ, тѣмъ болѣе, что сама когда то принадлежала къ высшему обществу, она, хотя и не любила вспоминать объ этомъ, но связи свои сохраняла и поддерживала. Въ монастырѣ она не прощала только противленкамъ. Своеумокъ гоняла до того, что тѣ разомъ понимали тщетную борьбу съ игуменьей. Она казалась какимъ-то циклономъ, шла впередъ, точно подчиняясь не собственному произволу и ломая по пути все, что осмѣливалось не преклониться передъ нею... Мать Клеопатра нигдѣ не терялась, на сильныхъ міра смотрѣла властно... никогда не улыбалась и душой не вертѣла.

Мѣстный преосвященный такъ отзывался о Клеопатрѣ:

«Ей поручи арміей командовать, такъ она тебѣ дванадцать языкъ, какъ жидовскую перину, по воздуху пустить—во всѣ стороны пухъ полетитъ. Ей равной въ Европѣ нѣтъ. Да и въ Америкахъ поищешь. Вонъ во Франціи пишутъ свѣтопреставленія—всѣ въ Панамѣ прокрались, и никакъ они разобратся не могутъ: кому кого судить... Избери мать Клеопатру президентомъ—она бы ихъ живо расточила. Кого куда—всякому бы надлежащее мѣсто нашла... Забыли бы и думать»...

Кто бы ни пріѣзжалъ въ монастырь изъ богомолицъ, непременно надѣвалъ черные платки. «У меня этого красного, зеленого, голубаго да желтаго чтобы не было»—разъ навсегда объявила мать Клеопатра. «И букелекъ съ челками терпѣть не люблю».

Несмотря на всю свою суровость, мать Клеопатра была женщина сострадательная и легко трогалась чужимъ горемъ.

Въ монастырѣ и помимо матери Клеопатры были родовитыя и образованныя монахини. Такова напр. была мать Александра, бывшая княжна, доселѣ еще сохранившая связи. «Переписка ея съ далекою знатью часто погружала простыхъ инокинь въ священный ужасъ, когда онѣ видѣли у нея конверты съ золотыми коронами и узнавали «откуда

сіе). Но смиренная монахиня не кичилась этимъ и не жёлала никакихъ отличій. И ее, какъ и прочихъ, привела въ монастырь жизненная драма.

Женскій же монастырь изображенъ и въ другомъ романѣ того же г. Немировича-Данченко *)— «Подъ звонъ колоколовъ». Въ противоположность предыдущему роману, здѣсь совсѣмъ нѣтъ выпуклыхъ типовъ—изображается лишь обшая жизнь монастыря, полная мира и благоволенія. Составъ насельницъ монастыря разнообразенъ: есть здѣсь и ученныя и дворянки и простыя—но всѣ онѣ одинаково благочестивы, добры и чистосердечны. Есть, правда, между ними и такія, которыя кажутся злыми и сварливыми, но это—лишь на первый взглядъ и притомъ все это женщины больныя и нервныя. Мирная тишина и безмятежный покой монастырской жизни производятъ такое неизгладимое впечатлѣніе на душу воспитавшейся въ монастырѣ героини романа, что она, послѣ неудавшейся семейной жизни, тотчасъ же снова и навсегда поселяется въ воспитавшей ея обители.

Въ романѣ г. Всев. Соловьева «Цвѣты бездны» (*Русскій Вѣстникъ*, 1896 г.) выведена и еще игуменья—мать Нимфодора. Глядя на эту полную, румяную, добродушную и веселую женщину, никто не узналъ бы въ ней воздушную, хорошенькую, живую какъ ртуть, бессознательно кокетливую и соблазнительную свѣтскую барышню, какою она была двадцать лѣтъ тому назадъ. Жизненная драма и потеря вѣры довели ее до покушенія на самоубійство, но револьверъ далъ осѣчку. «И въ тотъ же мигъ радость жизни охватила ее, и въ тотъ же мигъ въ ней вспыхнула теплая, отрадная вѣра. Она поняла, что надо жить и такъ жить, чтобы жизнью искупить весь прежній грѣхъ и прежнее неразуміе, такъ жить, чтобы жизнью настоящею, приготовиться къ настоящей смерти, за которою для нея теперь начиналась таинственная, лучезарная даль вѣчной жизни духа».

*) Отъ частаго изображенія монаховъ и монахинь г. Немировича-Данченко иногда повторяется, напр. одни и тѣ же обличительныя слова изъ пророка Амоса онъ влагаетъ въ уста разныхъ лицъ.